

сбору фактического материала, причем не только в нашей стране, но и за рубежом, его обобщения, интерпретации. Сейчас в связи с открытием многих, хотя и не всех архивов в нашей стране, а также с включением России в программу "Интернет" для этого складываются значительно более благоприятные возможности. Да и общественная атмосфера изменилась для историков к лучшему. Поэтому во многом эффективность исследования зависти почти исключительно от нас - историков. Вопрос заключается сегодня преимущественно в том, чтобы мы как можно полнее использовали открывшиеся перед нами возможности.

В.Н.МАМЯЧЕНКОВ, В.П.МОТРЕВИЧ (Екатеринбург)

МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ И ВОЕННОПЛЕННЫХ НА УРАЛЕ В 1940-е ГОДЫ

К началу Великой Отечественной войны на Урале уже находились многочисленные контингенты так называемых спецпоселенцев: бывших кулаков и басмачей, ссыльнопоселенцев из Прибалтики и Молдавии, бывших польских граждан и других репрессированных слоев населения.

В годы войны число спецпоселенцев значительно возросло за счет представителей репрессированных народов Северного Кавказа, немцев Поволжья, калмыков, крымских татар, власовцев, оуновцев.

К этому времени партийные и советские органы накопили достаточный опыт проведения репрессивных мероприятий. Тем не менее условия, в которых происходило переселение, часто были ужасающими. Людей везли специальными эшелонами, некоторых - в тюремных вагонах. Охрану в пути следования осуществляли конвойные войска НКВД СССР. В связи с грубым нарушением санитарных мер многие умирали в пути следования на спецпоселение.

В большинстве эшелонов совершенно отсутствовали медработники, вследствие чего в пути следования наблюдалась значительная смертность. В пути многодневного следования выселенные испытывали острый голод из-за нехватки продуктов питания. Отсутствие кипятка, употребление сырой воды провоцировало желудочно-кишечные заболевания. Все контингенты спецпоселенцев болели сыпным тифом. Эпидемия прямо "с колес" перемещалась в районы их расселения.

Помимо эпидемий сыпного тифа во многих областях Урала были отмечены массовые заболевания спецпоселенцев дизентерией, туберкулезом, цингой. Среди детей свирепствовали корь, скарлатина.

После расселения людей устанавливался определенный режим, который зависел от рода деятельности и категории высланных. На лесоповале, рудниках, шахтах создавали обычно замкнутые поселки. Тех, кого направляли работать в сельское хозяйство, обычно размещали среди местных жителей в порядке уплотнения.

Спецпоселки организовывались обычно из расчета 100-500 семей на один поселок. Почти во всех отчетах УНКВД и областей отмечалось, что спецпоселенцы проживают в помещениях с неисправными дверьми, печами, незастекленными окнами, без двойных рам, во многих бараках нет перегородок; дети, женщины и мужчины спят на нарах все подряд, на голых досках, без одеял и простыней; в помещениях холодно, грязно, тесно, на одного человека приходится 1,5-2,0 кв. м жилой площади.

Остро недоставало одежды и обуви, обеспеченность ими была низкой. Например, обеспеченность немцев, работавших в конце 1943 г. на предприятиях Свердловской области, составляла: фуфайками - 42 %, шапками - 33 %, валенками - 8 %. Многие семьи не имели смены белья.

Организация и качество питания носили крайне неудовлетворительный характер. Пища была низкокалорийной, мяса и животных жиров почти не выдавали. Доставка на рынке картофеля, спецпоселенцы варили его в печках-временках (одна на 70 человек), ожидая своей очереди к ней по 2-3 часа за счет времени на сон.

Начальники РО НКВД информировали УНКВД областей, что калмыки поголовно нищенствуют, питаются отбросами из помойных ям, употребляют в пищу падаль. Отмечалось истощение и опухание от голода целых семей, резкое увеличение смертности.

Из-за отсутствия кастрюль, тарелок, ложек размещенные в Свердловской области спецпоселенцы-поляки готовили пищу в консервных банках. В жилищах калмыков почти полностью отсутствовали мебель, утварь, посуда, постельные принадлежности и т.д.

На фоне калмыков, крымчан и других спецпоселенцев наиболее благополучным в этом отношении контингентом считались бывшие кулаки, расселенные в лесных поселках урало-сибирского региона. В отчетах УНКВД по Молотовской и Свердловской областям отмечалось, что бывшие кулаки имеют собственные дома или квартиры в доме на две семьи, надворные постройки, скот, сельскохозяйственный инвентарь.

Административное управление спецпоселками, которых только в Свердловской области насчитывалось 146, осуществлялось районными и поселковыми комендатурами НКВД через комендантов.

Особо жесткий режим был установлен в поселках, где проживали семьи участников организации украинских националистов.

Многие пытались бежать с Урала. Всего в стране в 1940-е гг. бежали 86 тысяч человек, однако 93 % из них были задержаны. Главной причиной бегства было тяжелейшее материально-бытовое положение. Одной из причин этого было то, что имущество выселенных было передано по актам соответствующим областным организациям, а с собой переселенцам разрешалось взять ограниченное количество продуктов и вещей.

Заняты спецпоселенцы были в основном тяжелым физическим трудом. Немцы работали преимущественно в строительстве, угольной, металлургической, лесной промышленности. Спецпоселенцы из Западной Украины работали в леспромхозах Пермской области и угольных шахтах Челябинской области. В Свердловской области много армян работало на цементном заводе в Сухом Логу, литовцев - в леспромхозах Новолялинского района.

Уровень смертности среди всех контингентов спецпоселенцев был высоким. Основными причинами смерти являлись: дистрофия, легочные заболевания (туберкулез, пневмония), дизентерия, старческая дряхлость. Вследствие этого численность спецпоселенцев быстро уменьшалась: например, в Свердловской области на 1 марта 1945 г. умерло 12 % переселенных туда калмыков.

В 1944 г. доля умерших от дистрофии и авитаминоза спецпоселенцев в Свердловской области составила 36 %, в Челябинской - 30 % от всех смертей.

В годы Великой Отечественной войны на Урале, помимо спецпоселенцев, разместили и 250 тыс. пленных (примерно 6 процентов от их численности на территории

СССР). Две трети из них были немцы, а остальные - австрийцы, венгры, итальянцы, румыны, японцы и представители других национальностей.

Документы свидетельствуют, что советская сторона в основном соблюдала требования международных конвенций об обращении с военнопленными, прежде всего - Женевской конвенции о содержании военнопленных от 27.07.1929 г.

Уже 23 июня 1941 г. телеграммой Генштаба Красной Армии, а затем ориентировкой УПВИ НКВД СССР № 25/6519 от 29.06.1941 г. были установлены нормы питания на одного военнопленного.

Постановлением СНК СССР № 1798-800С от 01.07.1941 г. было утверждено "Положение о военнопленных", в соответствии с которым военнопленные по продовольственному и медико-санитарному обеспечению приравнивались к военнослужащим тыловых частей Красной Армии. Кроме того, по повышенным нормам питания обеспечивались добровольно сдавшиеся в плен (получали хлеба на 100 г больше), военнопленные с ослабленным здоровьем (по Приказу НКВД от 18.10.1942 г.) и офицерский состав. И, наконец, количество и качество продпайка зависели от поведения и труда военнопленного. Содержавшийся на гауптвахте, например, получал 300 г в сутки, выполнявший рабочие задания наполовину - 400 г, на 100 % - 500 г, на 150 % - 900 г. К этому можно добавить, что конвойные войска НКВД, охранявшие эти лагеря, получали на одного человека в сутки 700-800 г хлеба зимой и 600-700 г летом. Для сравнения, на среднестатистического колхозника в Свердловской области в 1944 г. приходилось в сутки: хлеба - 78 г, мяса - 25 г, сахара - 8 г. Львиную же долю в потреблении ими продуктов составлял картофель - 992 г.

Согласно приказу НКВД СССР от 5 июня 1942 г. пленным определялось и денежное содержание на время нахождения в лагерях-распределителях. При нахождении в основном лагере военнопленные обязаны были зарабатывать для себя сами.

Поначалу в лагерях отсутствовали необходимые условия, они представляли собой обнесенную колючей проволокой территорию, на которой стояли сторожевые вышки и палатки. Только к концу 1946 г. повсеместно построили бараки, где на двухъярусных койках ночевали пленные. В среднем на человека здесь приходилось по 2 кв. метра площади.

Лагеря военнопленных дислоцировались преимущественно в индустриальных центрах, где была наибольшая потребность в рабочей силе. Только в Свердловской области насчитывалось 14 лагерей, включающих около 100 отделений.

Оценивая материально-бытовые условия жизни спецпоселенцев и военнопленных в годы военного и послевоенного лихолетья и сравнивая их, например, с условиями жизни уральского населения, однозначные выводы сделать трудно. Тем не менее, нам представляется возможным отметить, что, например, пленные питались не хуже, а иногда и лучше, чем многие местные жители, особенно колхозники.

Во всем остальном положение местного населения было, конечно, более предпочтительным. Оно все-таки было более свободно (насколько можно быть свободным в тоталитарном государстве в военное время) и проживало в лучших жилищно-бытовых условиях.

Наиболее же тяжкими, несомненно, следует признать условия жизни спецпереселенцев, у которых государство отняло все средства существования, оторвало от привычного уклада жизни и хозяйственной деятельности, превратив в беспросветно нищую категорию населения.